

**НАРОДНАЯ
ФАНТАСТИКА**

Михаил КЛИКИН

ОДИН

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 49

Разработка серийного оформления
С. Курбатова

В оформлении переплета использована работа
художников *Андрея Мозгалева*, *Марии Тульновой*

Кликин М. Г.

К 49   Один : фантастический роман / Михаил Кликин. — М. : Эксмо, 2014. — 448 с. — (Народная фантастика).

ISBN 978-5-699-71872-6

Россия. Наши дни...

Компания друзей — Дима, Минтай, Катя, Таня и Оля — весело проводят выходные. Выпивка, закуска, потанцульки, флирт разной степени тяжести. И никому нет дела до того, что происходит во внешнем мире. Они, конечно, замечают некоторые странности. Какие-то типы, похожие на обкурившихся бомжей, топчутся на опустевшей детской площадке. На улице пробка — машины стоят плотно и даже не пытаются тронуться с места. А в топе новостных порталов крутят ролик, в котором какой-то наркоман заживо грызет человека. Друзья не особо тревожатся. Ведь ясно же, что это вирусная реклама очередного ужастика. Но все оказалось гораздо страшнее. И зомби, будто сошедшие с экрана голливудского блокбастера, хлынули на улицы российских городов...

То, что когда-то называлось Россией. Время действия неизвестно...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-71872-6

© Кликин М., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Одиночество — это еще
не самое скверное в дни испы-
таний;
самое скверное — сидеть сложа
руки.

Голсуорси Дж.

Год пятнадцатый. Июль

Жара

Гоблинов было трое.

Я заметил их не сразу, поскольку был занят ответственным делом: осторожно и нежно вытаскивал трепыхающуюся перепелку из проволочной петли. К этим птицам у меня особенное отношение: вот уже семь лет я пытаюсь их одомашнить.

Гоблинов почуял Туз — мой старший пес, единственный из всей своры, кто сегодня пошел со мной в лес проверять ловушки. Он несмело тьякнул в сторону темного ельника, изобразил подобие охотничьей стойки, но уже через три секунды жалко заскулил и спрятался за моей спиной.

Собаки почему-то боятся гоблинов. Даже псы, готовые броситься на семью великанов-огров, поджимают хвосты и по-щенячьи писаются, стоит поблизости появиться низкорослой горбатой фигуре с кривыми ногами и пятнистой плоской рожей.

Почему так — я не знаю.

Гоблины — плохие бойцы, они падальщики. Я, вооружившись обычной рогатиной, могу выйти один на один с этой тварью и победить. Если их будет двое — мне хватит большого ножа и короткой палки, чтобы разобраться с ними обоими. Но вот трое...

От трех гоблинов можно ждать больших неприятностей.

Гоблины — они, как шакалы. В стае они наглеют. А наглость очень часто значит больше, чем сила и оружие...

Я убрал перепелку в мешок и затянул его горловину. Посмотрел на близкий плотный ельник, недоумевая, что могло испугать опытного Туза. Поднял с земли короткое копые. Встал, выпрямился, не отрывая взгляда от темного леса.

Что там? Кабан? Медведь? Или кто-то из обратившихся тварей?

Я ждал чего угодно, но только не появления гоблинов. Падальщики держались обычно возле населенных пунктов, там им было чем поживиться. Что бы им делать здесь, в лесу?

Но они вышли — все трое, разом, раздвинув лапник уродливыми телами, повернув ко мне свои мерзкие хари. Туз опять заскулил и стал отползать, пластаясь по земле. На его помощь в этом бою можно было не надеяться. А в том, что бой случится, я не сомневался. Ни одна обращенная тварь не пройдет мимо живого человека, если уж заметила его.

Считая секунды, я проверил, на месте ли мой любимый мачете-кукри, не вывалился ли он из деревянных ножен. Я осторожно подвинул ногой мешок с притихшей куропаткой, выставил перед собой копые и плавно, медленно, чтоб не спровоцировать падальщиков на мгновенную атаку, сместился на метр вправо. Я встал так, чтобы ствол старой березы прикрывал меня со спины — мало ли какая тварь решит подкрасться сзади. Я набрал полную грудь воздуха и резко что-то выкрикнул: то

ли «Хо!», то ли «Ша!», то ли короткое непечатное слово — не помню.

Гоблины сорвались с места.

Они были на удивление резвые. Видимо, голод сделал их такими.

Один, наверное, был голодней прочих — он опередил приятелей почти на три метра. Я встретил его ударом копья. Наконечник пробил грудь и вышел из-под лопатки мерзкой твари. Древко копья вырвалось у меня из рук, а сам я едва не упал. Я не ждал, что гоблин подохнет сразу, — все обращенные живучи, словно пресмыкающиеся. Я увернулся от тянущихся ко мне когтистых клешней и, выдернув из ножен клинок, воткнул его в белесый, разрезанный щелью зрачка глаз падальщика.

Шестьдесят сантиметров отточенной стали раскололи череп уродца. Холодная слизь брызнула на пальцы, и рукоять мачете тут же выскользнула из ладони, но я не пытался удержать или вернуть это оружие. Подхватив с земли увесистый сук, я ударил им второго падальщика, метя в висок. Попал, сбил атаку. Тут же из нашитого на голенище кармашка выдернул метательный нож и со всего маху воткнул его в затылок оглушенному гоблину.

А когда третья тварь ухватила меня за бок, раздирая одежду и кожу, я уже держал в руках главное свое оружие. Не обращая внимания на боль, не замечая вони, я ткнул стволом под раззявившиеся слюнявые жвала гоблина и, отвернув лицо, спустил курки.

Череп падальщика словно взорвался, и обезглавленный труп кулем свалился мне под ноги.

* * *

Домой я почти бежал. Озирался, оглядывался, не выпускал из рук двустволку. Ругал себя громким шепотом, разговаривал с собой: зачем ты, дурак, выстрелил дуплетом, поберег бы патроны-то! Гоблину этому хватило бы и дроби из верхнего ствола «ижика», а пулю-то ты, идиот, зачем потратил?! Ну понятное дело — осечки боялся. Но ведь не драл тебя гоблин, вцепился только еще. Было время, было. Мог бы патрон сберечь. А мог и вовсе прикладом обойтись...

Туз бежал впереди, виновато помахивал хвостом, оглядываясь на меня: прости, мол, хозяин, сам не ведаю, что на меня нашло, отчего перетрусил.

— Двигай, двигай! — покрикивал я на него. — И по сторонам смотри!

Страшно было, но не так, как прежде — привык уже за годы-то. И остро чувствовал недоброе — ох не зря появились здесь гоблины! Никогда они в лес не ходили, а тут — ну надо же — объявились, да еще тройцей. К чему бы это? Чего теперь ждать?

Я немного успокоился, когда увидел просвет среди деревьев, когда с разлапистой сосной, молнией обожженной, поравнялся: теперь уже недалеко — теперь только через орешник, через болотистый овражек, к реке спускающийся, потом лугом заросшим — а там уж и дом виден. Не сам дом, конечно — избу-то я хорошо спрятал. А место, которое я домом называю.

Туз остановился, дожидаясь меня. Помотал башкой, ушами хлопая.

— Не расслабляться! — и ему и себе велел я. — А то расслабился один такой..

Да, последние два года выдались относительно спокойными. За все время три зомби, хромой огр и неизвестное мне прежде обращенное страшилище, которое я окрестил чупакаброй, — вот и все недобрые гости. Теперь волки больше проблем доставляют, чем эти мерзкие твари. Я уж, вроде бы, и привыкать к тишине начал, совсем освоился, да и решил, видимо, подсознательно, что кончилось все... А не следовало, нет. Пока я жив, пока я живой — ничего не кончено.

И гоблины эти сегодняшние — ох не к добру!..

Сбежал в овраг, остановился в прохладе, ладонью зачерпнул из болотца ржавой воды, плеснул в горячее лицо. Из нагрудного кармана достал монокуляр, через него внимательно оглядел крутые склоны. Очень эта балка мне удобна: если от большого леса идти, то мимо нее пройти сложно — для этого крюк надо сделать изрядный да через колючие кусты продрасться. А на болотистой почве в низине любой след превращается в хорошо заметную ямку, наполненную водой. Да и по склону подняться, ничего не вырвав, не осыпав, практически невозможно. И спуститься, не наследив, не всякий сумеет. Овраг этот, можно сказать, моя контрольно-следовая полоса.

Сегодня — чистая.

Ну и слава богу.

Перекрестился и хмыкнул: верующим-то я не стал, несмотря на пережитое. Но и твердолобым атеистом не остался.

— Туз, домой! Быстро!

Повторять не пришлось — пес дорогу знал. Нырнул под ветви чахлой ракиты, поскакал нахоженной тропкой, смешно подбрасывая задние лапы. Сбил, конечно же, несколько моих «сторожков», составленных из тонких ивовых прутиков, и мне пришлось их складывать заново.

Из оврага я выбрался, сильно запыхавшись. Осмотрелся еще раз, опушку леса внимательно оглядел. Присел даже, положив ружье на колени, прислушиваясь, приглядываясь: может, встревоженные птицы где кружат. Нет же — все тихо. Успокоиться, вроде бы, можно уже. Ан нет! На душе тяжело, и в сердце мрачно, как в этом вот овраге.

Убежавший было Туз вернулся, ткнулся носом мне под локоть, лег рядом. Я машинально погладил его лобастую голову, потрепал вислое ухо. Подумал о том, что буду делать сегодня: первым делом, конечно же, выпущу помятую перепелку в вольтер, а как в избу войду, так сразу сниму со стены «калашников» и «макаров», выгребу все патроны и еще раз их пересчитаю. Травматик надо найти, который от Минтая остался, там еще два выстрела есть. Арбалет проверить, давно им не пользовался. На лук натянуть тетиву и собрать все стрелы. Тесак отточить до бритвенной остроты.

Ранее запланированные дела, видимо, придется отменить. Кроме одного, самого неприятного — календарь показывает, что пришло время для очередной попытки. Так что ближе к вечеру я наберусь духу и спущусь в подпол, в клеть, где живет ОНА. Свяжу ее, как обычно, чтоб она не могла причинить мне вреда, а потом займусь с ней тем, что не назвать уже ни любовью, ни сексом.

Возможно, мне не стоит писать об этом в дневнике, чтобы не выглядеть монстром. Но я обещал себе быть честным в своих записках. И я должен.

Я должен рассказать всю правду.

Я все еще надеюсь, что эти слова прочитает хоть кто-нибудь, кроме меня.

* * *

Меня зовут Брюс. Вообще-то я Борис Русов, поэтому в школе меня дразнили Брусом. Но в университете Брус превратился в Брюса, и я, честно сказать, был очень доволен таким обращением.

Три дня назад мне исполнилось сорок два года, и я все никак не привыкну к своему возрасту. Я удивляюсь и пугаюсь, когда считаю прожитые лета и зимы. Мне все кажется, что я не могу быть старше тридцати пяти лет. Но отражение в зеркале говорит об обратном — мне сорок два года, и я уже стар. Я бородат и сед, у меня кустистые брови и пористый рыхлый нос с красными жилками и черными точками. Я еще довольно силен, но по утрам у меня болят ноги, а вечерами ноет поясница. У меня много забавных привычек: я проговариваю вслух свои мысли, я веду беседы с собаками, я обращаюсь к Богу, в которого, кажется, не верю.

Сейчас я пишу этот дневник и каждое слово, каждое предложение громко зачитываю вслух, пробуя его на язык. Я не гений словесности, но мне нравится то, что у меня получается.

За окном ночь. Над моим столом едва теплится светодиодная матрица от электрического фонаря. На кухоньке за перегородкой возятся мыши. В мо-

ей руке карандаш, передо мной раскрытая тетрадь в клетку. Я думаю о последних событиях, я смотрю на исписанные листы и понимаю, что должен теперь многое переписать заново.

Я обязан завершить работу.

Я хочу рассказать свою историю полностью, ничего не утаивая. Это будет новое Евангелие.

И я передам его своим детям, если они у меня родятся.

* * *

Предчувствие не обмануло меня в тот жаркий июльский день. Гоблины пришли не одни. Вечером, когда я уже сделал все дела и поднялся из подполья, перед избой вдруг громко, но боязливо залаяли собаки. И только я схватился за оружие, гадая, что могло их потревожить, как в дверь моего дома постучали.

Я не смогу описать здесь свои чувства. Мне показалось, что я умер. Я испытал такой дикий всепоглощающий ужас, что разум покинул меня.

Неудивительно: так стучаться могли только люди. Но я уже пятнадцать лет обитал в дикой дремучей глуши, жил здесь в полном безнадежном одиночестве, если не считать мою несчастную наложницу, больше похожую на зверя, нежели на человека.

Наверное, нечто подобное испытал Робинзон, когда увидел на песчаном берегу отпечаток босой ноги.

Но я, в отличие от Робинзона, знал, что на моем «острове» люди появиться не могут ни при каких обстоятельствах.

Все люди давно погибли или же перестали быть людьми.

Я считал себя единственным выжившим на многие сотни километров вокруг. А что касается моей пленницы... Она была совершенно безумна и продолжала существовать лишь благодаря моей заботе.

Возможно, я был последним человеком на всей планете.